

ЭТИКА НАУКИ: КЛАССИЧЕСКИЕ НОРМЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕФОРМАЦИИ

Аблажей Анатолий Михайлович,

кандидат философских наук,

ведущий научный сотрудник

Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0003-3693-8845

Author ID (РИНЦ): 123168

SPIN-код (РИНЦ): 3141-3406

ablazhey63@gmail.com

Аннотация

В статье обсуждаются проблемы генезиса профессионального этика науки и его трансформации в контексте современных реалий. Дается краткая характеристика классических норм научного этика (универсализма, коммуналлизма, незаинтересованности и организованного скептицизма), сформулированных Р. Мертоном в конце 1930-х – начале 1940-х годов в ответ на резкое обострение проблемы автономии науки в условиях тоталитарных режимов. Особо подчеркивается ключевая идея Мертона: соблюдение норм нацелено прежде всего на оптимизацию процесса научного производства и тем самым на максимально эффективное решение главной цели науки – приращение удостоверенного знания. Концепция этических императивов научной профессии была почти сразу подвергнута критике за «идеалистичность» и «оторванность от реальной жизни», к концу 1960-х годов эта критика многократно усилилась. Приводятся примеры критического отношения к концепции Мертона, описаны альтернативные варианты норм научного этика (в интерпретации Митроффа и Фуллера). Установлено, что в условиях академического капитализма, подразумевающего инкорпорацию рыночной культуры в систему научного поиска, происходит негативная деформация классических норм, на практике создающая барьеры для производства знания и нарушающая практику коммуникации внутри научного сообщества. Результатом подобной деформации является система взаимоотношений между учеными, описанная Зиманом в рамках концепции «постакадемической науки». Приводятся доказательства того, что процесс деградации норм еще более усиливается в условиях когнитивного капитализма и неоллиберальной науки. На примере современной российской науки показано, что результатом подобной деградации является, например, обострение проблемы плагиата. Кратко описаны способы противодействия подобной практике на примере современной российской на-

уки, такие как создание сообщества «Диссернет» или специальной комиссии по противодействию фальсификации научных исследований в рамках РАН. В контексте философии и социологии науки продуктивной выглядит концепция «двух этик», предложенная Б. Пружининым, который выделяет специфические этосы фундаментальной и прикладной науки.

Ключевые слова: наука, нормы науки, научный этос, императивы, Мертон, рынок, деформации.

Библиографическое описание для цитирования:

Аблажей А.М. Этика науки: классические нормы и современные деформации // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 103–115. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-103-115.

Одна из самых обсуждаемых проблем современной науки – ее институциональный кризис. По мнению целого ряда авторов, нынешнее научное сообщество слишком далеко ушло от идеалов научной профессии, которые ассоциируются с именами Ньютона или Дарвина. В вину науке ставится ее политическая и идеологическая ангажированность, но в наибольшей степени – экономическая. Проблема автономии науки периодически актуализируется, начиная с оживленных дискуссий непосредственно в процессе ее институционального генезиса начала XVII века. Два столетия спустя, исследуя в конце 1930-х – начале 1940-х годов проблему взаимоотношений науки и общества, классик американской и мировой социологии Р. Мертон в двух своих статьях («Наука и социальный порядок» и «Наука и демократическая социальная структура») сформулировал свой знаменитый «этос науки». Необходимость решения вполне практической задачи – поиска средств сохранения автономного статуса науки по отношению к другим социальным институтам – привела Мертона к формулировке базовых норм (императивов), определяющих бытие научного предприятия. Утверждая, что «институциональная задача науки – приумножение удостоверенного знания» (которое, в свою очередь, есть комплекс «эмпирически подтвержденных и логически согласованных предсказаний»), он пришел к выводу о существовании специфических именно для науки норм (нравов), вся структура которых служит достижению обозначенной конечной цели. Нормы при этом четко разделяются на технические и моральные. Техническая норма адекватного, достоверного и надежного эмпирического подтверждения является, по мысли автора, «необходимым условием обоснованности и истинности предсказания»; обязательным является также следование норме логической согласованности, выступающей обязательной предпосылкой систематичности и достоверности знания.

Гораздо большее внимание Мертон уделяет анализу моральных норм, составляющих в комплексе этический комплекс науки. Первая из них – ком-

мунализм (иногда употребляется и более сильный термин – коммунизм). Описывая ее, Мертон отмечает, что «фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества и предназначены для общества. Они образуют общее наследие, в котором доля индивидуального производителя строго ограничена... право собственности в науке сводится рациональными основаниями научной этики к самому минимуму... [а] притязания ученого на “свою” интеллектуальную “собственность” ограничиваются притязаниями на признание и уважение, которые, если данный институт функционирует хотя бы с минимальной степенью эффективности, приблизительно соразмерны значимости того нового, что он внес в общий фонд знания» [7, с. 775]. Много позже, при написании статьи «Эффект Матфея в науке, II...» (1988), Мертон усилил данный императив, сделав вывод о парадоксальной природе собственности в науке: чем больше ты отдаешь, охотнее делишься знанием, тем богаче становишься [8, с. 270].

Норма *универсализма* «находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому претензии на истину, каким бы ни был их источник, должны быть подчинены заранее установленным безличным критериям: «должны согласовываться с наблюдением и ранее подтвержденным знанием... согласие или отказ внести эти притязания в анналы науки не должны зависеть от личностных или социальных атрибутов их защитника; его раса, национальность, религия, класс и личные качества сами по себе нерелевантны» [7, с. 771].

Стремление ученых к приоритету создает в науке условия острой конкуренции. Такая ситуация вполне способна подтолкнуть ученого на те или иные противоправные действия, чтобы получить преимущество над соперниками, причем они могут быть выполнены вполне сознательно. Важно, что, кроме сугубо моральной составляющей, такого рода действия зачастую искажают нормальный ход исследования и, соответственно, его результаты. Для того чтобы избежать подобных ситуаций, Мертон выдвигает императив *незаинтересованности* (часто используется также вариант «бескорыстия»), который, по словам автора, «не следует приравнивать к альтруизму, так же как и заинтересованное действие – к эгоизму. Такие приравнивания смешивают институциональный и мотивационный уровни анализа. Ученому чего только не приписывали: страсть к познанию, праздное любопытство, альтруистическую заботу о благе человечества и множество других особых мотивов... поведение ученых характеризуется скорее отличительным образом институционального контроля над широким спектром мотивов. Ибо как только институт предписывает незаинтересованную деятельность, в интересах ученых подчиниться этому требованию под страхом санкций и – в той мере, в какой эта норма стала их внутренней нормой – под страхом психологического конфликта» [7, с. 778].

Данная норма заставляет ученого строить свою работу так, словно, кроме постижения истины, у него нет никаких других интересов. Она носит характер предостережения от поступков, совершаемых ради достижения более быстрого или более широкого профессионального признания внутри науки. В идеале ученый должен находиться в башне из слоновой кости, не обращая никакого внимания на окружающую его жизнь, наблюдая, говоря словами Платона, «неизменные принципы бытия». В трактовке ближайшего ученика Мертона, Б. Барбера, данный императив призван предостеречь ученых, которые хотели бы использовать свои исследования в целях достижения финансового успеха или получения дивидендов вне профессионального сообщества.

Императив *организованного скептицизма* одновременно является и методологической, и институциональной нормой: «Наука, вопрошая о фактах, в том числе и потенциальных фактах, касающихся каждого аспекта природы и общества, может вступать в конфликт с другими установками в отношении тех же самых данных, кристаллизованными и зачастую ритуализованными другими институтами. Научный исследователь не признает никакой пропасти между сакральным и профанным, между тем, что требует не критичного почтения, и тем, что можно объективно проанализировать» [7, с. 780]. Сам Мертон рассматривал этот императив как порождение специфики естественно-научного знания, которое изначально было нацелено на детальный объективный анализ, исключающий возможность некритического усвоения. По мысли Мертона, функция критического анализа органически присуща науке, для нее «нет ничего святого».

В то же время эта норма предъявляет ровно те же требования по отношению к самим ученым. В таком аспекте данная норма рассмотрена Н. Сторером. В его трактовке, поскольку работа каждого ученого (прежде всего естествоиспытателя) основана в значительной степени на результатах предшествующих исследований, умышленное или неумышленное отступление от истины является преступным по отношению к развитию науки в целом. Отсюда следует, что никакой вклад в знание не может быть допущен без тщательной, всесторонней проверки. Норма организованного скептицизма предписывает ученому подвергать сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность. По словам Сторера, ученый – это человек, который питает придирический интерес к делам своего соседа. В науке тем самым создается атмосфера ответственности, механизм институционального подкрепления профессиональной честности ученых, предписываемая им нормой коммунализма.

По мысли Мертона, только те научные сообщества, члены которых придерживаются данных правил поведения, в состоянии выполнять мак-

симально эффективно главную функцию науки – производство достоверного знания. Не случайно автор поднял вопросы институционального устройства науки накануне и во время Второй мировой войны. Суть сформулированной им проблемы заключалась в констатации негативного влияния тоталитарных режимов на науку: «конфликт [между наукой и обществом. – А. А.] возникает тогда, когда признаются нежелательными социальные следствия применения научного знания, когда скептицизм ученого оказывается направлен на базисные ценности других институтов, когда экспансия политической, религиозной или экономической власти ограничивает автономию ученого, когда антиинтеллектуализм ставит под сомнение ценность и честность науки и когда в отношении научного исследования вводятся ненаучные критерии приемлемости» [6, с. 194]. Актуальность такого рода умозаключений крайне актуальна и сегодня.

С момента публикации работ Мертон (1937, 1942) концепция этических императивов научной профессии была подвергнута критике за «идеалистичность» и «оторванность от реальной жизни», а к концу 1960-х она многократно усилилась. Во второй половине XX века всё чаще стала звучать мысль о том, что, слепо исповедуя принципы Р. Мертона, успешную научную карьеру не построишь. Одним из первых ее высказал Й. Митрофф. Основываясь на проведенных в начале 1970-х годов эмпирических исследованиях достаточно специфического научного сообщества, связанного с космическими проектами, он пришел к следующим выводам:

- а) истинный статус научного достижения является достижением того, кто первым заявил на него свои права (vs универсализм);
- б) налицо защитный контроль над открытием, когда секретность скорее норма, чем отклонение (vs коммунализм);
- в) ученые принадлежат к особым сообществам, преследующим свои интересы (vs незаинтересованность);
- г) исследователи твердо уверены в своих собственных выводах и сомневаются в выводах других (vs организованный скептицизм) [12].

Обозначенные тенденции резко усилились с наступлением эпохи неолиберализма [1]. В неолиберальной науке мнение о моральном облике ученого претерпело большие изменения. Один из отцов-основателей социальной эпистемологии, С. Фуллер, формулируя свои нормы науки, открыто полемизирует с классическим мертоновским наследием. По его мнению, в современной науке на смену коммунализму приходит «мафиозность», означающая в данном случае необходимость поддерживать хорошие отношения с боссами в науке; место универсализма занимает «культурный империализм», т. е. доминирование англо-американских журналов; вместо незаинтересованности налицо оппортунизм, т. е. безразличие к тому, как будут использованы результаты труда ученого; наконец, «кол-

лективная безответственность», легитимирующая проведение научных исследований и публикацию их результатов без учета возможных потрясений в обществе, становится заменой организованному скептицизму [11].

В современных условиях автономия науки подвергается всё более серьезному испытанию. Некоторые исследователи склонны считать, что научный этос Мертона представляет собой попытку оправдать и обеспечить независимость науки от социального контроля. Другие, напротив, утверждают, что «в науке нет места для *суждений о ценности*, где неявно подразумеваемые “ценности” – это, в общем, все критерии оценки, отличающиеся от простых соображений истинности или объективности... кажется очевидным, что любая “смесь” науки с этикой направлена против подлинного духа науки, поскольку подрывает требование объективности» [3, с. 93].

Радикальное изменение роли и места науки в современном обществе и экономике нашло выражение в концепции когнитивного капитализма. По мнению А. Корсани, «в этой новой фазе капитализма отношение между сферой производства знаний и сферой производства товаров, характерное для промышленного капитализма, претерпевает значительные изменения». Суть подобных изменений заключается в том, что «сфера производства знаний начинает прямо подчиняться капиталу... [он] подчиняет себе науку уже не просто формально, чтобы она лишь соответствовала его логике накопления. Повышение стоимости капитала теперь нацеливается на сферу производства знаний». Для науки эти новые взаимоотношения означают то, что «развеиваются последние малейшие иллюзии об автономии науки (от капитала)... впору говорить о *биотехнонауке*, стирающей грани между наукой и политикой, наукой и обществом, наукой и культурой». [5, с. 130, 131]. Б. Пружинин в свете новой ситуации, в которой оказалась наука, выдвинул идею двух этосов: один из них характерен для сектора фундаментальных исследований, второй – для сектора прикладных исследований и разработок, который гораздо сильнее завязан на интересы той же промышленности: «в науке конституируется особый тип исследования – прикладное исследование, специфические мотивации и установки которого проникают на все уровни познавательной деятельности и фактически раскалывают этос науки. В качестве прямого наследника чистой науки выступает этос фундаментальной науки, а рядом с ним формируется этос науки прикладной» [9, с. 115, 116].

Изменения в научном ландшафте, нарастающие начиная с середины 1980-х годов, поставили под сомнение обоснованность норм Мертона в описании (или предписании поведения) академических ученых. Расширение участия ученых университетов в промышленных исследованиях привело к тому, что в академическую среду была привнесена бизнес-культура, подчеркивающая право собственности интеллектуала на совместное, ка-

залось бы, достояние в виде научных достижений. Сегодня «наука... превращается в высоко организованный и щедро финансируемый институт: история науки последних ста лет это в большинстве своем история включения в капиталистическую организацию. В результате свободная творческая мысль вовлекается в процесс производства и рыночного обмена; возникает эффект академического капитализма» [2]. Действие «фактора рынка» предполагает, и чем дальше, тем больше, что вся система производства научного знания начинает жить по рыночным правилам, которые, по мнению целого ряда экспертов, зачастую прямо противоречат классическому научному этосу в трактовке Р. Мертона.

Тем не менее картина не столь однозначна, и говорить о том, что вся без исключения наука претерпела радикальные изменения, преждевременно. В 2018 году южнокорейские социологи опубликовали результаты масштабного исследования нравов современной науки на примере своей страны. Согласно их выводам «спорить о том, существуют ли или нет мертоновские нормы, кажется неуместным. Более плодотворно было бы понять, в какой степени практикующие ученые придерживаются тех норм, которые считаются уникальными для института науки, и почему степень одобрения варьируется между ними» [13, р. 18]. Выяснилось, например, что степень приверженности классическим нормам Мертона явно зависит от области исследования. Так, физики по сравнению с биологами и химиками склонны чаще соглашаться с нормой коммуналлизма, идеалом открытой науки, а исследователи, находящиеся на руководящих должностях, более склонны придерживаться норм Мертона, таких как универсализм и бескорыстие, по сравнению с исследователями, занимающими младшие позиции.

Есть также ряд «нелогичных» открытий, которые ставят дополнительные вопросы. Одно из них касается институциональной принадлежности ученых, поскольку ученые исследовательских институтов активней поддерживали нормы коммуналлизма и бескорыстия, чем ученые из университетов. Этот вывод скорее противоречит тому, что мы можем ожидать от альтернативных норм, характеризующих постакадемическую науку [14].

В известном смысле императивы научного этоса, описанные Мертоном, такие как коммунизм или бескорыстие, совпадали с официально декларируемой моделью советской науки. Как показывают многочисленные исследования бытия современной российской науки, ей также удалось избежать серьезных деформаций профессионального кодекса как со стороны отдельных ученых, так и в рамках национального научного сообщества в целом. История постсоветской науки дает нам много важной информации для размышлений о том, насколько жизненна та концепция ценностного каркаса науки, которую описал Р. Мертон. Быстрый переход к рыночным правилам игры, радикальная трансформация экономики, со-

циальной жизни, межличностных отношений не могли не сказаться и на бытии науки.

Одной из наиболее серьезных негативных тенденций стало резкое обострение проблемы плагиата, который сам Мертон называл вопиющим нарушением норм научной жизни, поскольку стремление к приоритету является двигателем научного предприятия. Столь явное нарушение классических норм стало настолько серьезной проблемой, что потребовалось создание специальных внутрицеховых институций, призванных бороться с ними. Помимо всем известного «Диссернета», показательным примером является деятельность Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований. Накануне выборов в Академию наук 2019 года. Комиссия подготовила специальный доклад с изложением результатов анализа профессиональной деятельности отдельных кандидатов в члены РАН. Результаты работы комиссии, изложенные в данном документе, убедительно показывают, что для целого ряда лиц, претендующих на членство в главной научной организации страны, разного рода фальсификации, начиная от покровительства псевдоученым и заканчивая беззастенчивым заимствованием чужих результатов, стали вполне обычным делом. В этой связи обратим внимание на итоговый вывод работы комиссии: «Лица с псевдонаучными статьями и диссертациями не могут считаться учеными и в принципе не должны избираться в РАН» [4, с. 40]. В то же время не вся Академия наук разделяла критический настрой членов Комиссии. Если, например, Отделение математических наук сняло с голосования тех кандидатов, чьи фамилии фигурировали в обнародованных материалах, то Отделение общественных наук не согласилось с выводами Комиссии и не стало этого делать.

В подобных условиях разговоры о «чистоте науки», о необходимости принятия целого комплекса мер с целью максимально оградить науку от такого рода прецедентов перестали быть просто отвлеченными абстрактными рассуждениями и приобрели вполне практический характер. Нарушение чистоты исследований, начиная относительно незначительными обманчивыми практиками, такими как почетное авторство, и заканчивая откровенной фабрикацией данных, прямо угрожает основной цели науки – производству удостоверенного знания. Вместе с тем бороться с искажениями классических норм весьма и весьма сложно, поскольку «доказать нарушения этических норм порой нелегко, а санкции для нарушителей не прописаны, многое зависит от авторитета ученых-нарушителей, их общественного и научного признания. Юридически регулировать сферу этики научных публикаций **тяжело и опасно**, а рекомендации и регламенты комитетов по научной этике не имеют такой силы и периодически нарушаются. Большинство нарушений обусловлено правилом

“публикуйся или умри”, необходимостью повышения наукометрических показателей. Ученые часто забывают о долгосрочных целях и руководствуются более тактическими целями, причиняя вред научному сообществу и себе в частности» [10].

В заключение следует еще раз подчеркнуть тот факт, что наследие Мертона в части описания этического комплекса науки, несмотря ни на что, сохраняет свою предельную актуальность. Это касается как общей теоретической рамки, так и содержания этических императивов. Призывы к проведению институциональных реформ в области чистоты исследований обычно опираются на нормы Мертона как на этические ценности, определяющие **правильные** исследовательские практики. К практическим мерам, направленным на борьбу за классические ценности науки, следует отнести попытки кодификации кодексов профессиональных научных организаций и придания им юридически обязывающей силы, создания атмосферы нетерпимости по отношению к лицам, их нарушающим. Особенно важно обсуждать такие вопросы с молодыми учеными, только начинающими свой путь в науке.

Литература

1. *Аблажей А.М.* Трансформации института науки в современных условиях: анализ исследовательских подходов // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 1. – С. 44–62.
2. *Абрамов Р.Н.* Академический капитализм. – URL: <https://web.archive.org/web/20041212172436/http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/78711.html> (дата обращения: 21.08.2021).
3. *Агацци Э.* Почему у науки есть и этические измерения? // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 93–104.
4. Кандидаты в члены-корреспонденты и академики РАН: доклад / Комиссия РАН по противодействию фальсификации научных исследований. – Изд. 2-е, испр. – М., 2019. – URL: <https://kprfran.ru/wp-content/uploads/2019/09/doklad-ran-kpfni.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).
5. *Корсани А.* Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. – 2007. – № 4. – С. 123–143.
6. *Мертон Р.* Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. – 2007. – Т. 1, вып. 1. – С. 191–207.
7. *Мертон Р.* Наука и демократическая социальная структура // Социальная теория и социальная структура. – М., 2006. – С. 767–781.
8. *Мертон Р.* Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Tezis. – 1993. – Вып. 3. – С. 256–276.
9. *Пружинин Б.А.* Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. – М., 2008. – С. 108–121.

10. Цвык В.А., Саввина О.В. Этика науки и этика научных публикаций // Человек и культура. – 2017. – № 3. – С. 8–22. – DOI:10.25136/2409-8744.2017.3.19609. – URL: http://e-notabene.ru/ca/article_19609.html (дата обращения: 21.08.2021).
11. Fuller S. Science. Concepts in Social Sciences. – Open University Press, 1997.
12. Mitroff I. Norms and counter-norms in a select group of the Apollo Moon scientists: a case study of the ambivalence of scientists // American Sociological Review. – 1974. – Vol. 39, N 4. – P. 579–595.
13. Kim S.Y., Kim Y. The ethos of science and its correlates: an empirical analysis of scientists' endorsement of Mertonian norms // Science, Technology and Society. – 2018. – Vol. 23 (1). – P. 1–24.
14. Ziman J. Real science: what it is, and what it means. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000.

Статья поступила в редакцию 14.06.2021.

Статья прошла рецензирование 30.06.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-103-115

ETHIC OF SCIENCE: CLASSIC NORMS AND MODERN DEFORMATIONS

Ablazhey Anatoly,*Cand. of Sc. (Philosophy),**Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, SB RAS,**8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ORCID: 0000-0003-3693-8845

Author ID (RSCI): 123168

SPIN-code (RSCI): 3141-3406

ablazhey63@gmail.com

Abstract

The article discusses the problems of the professional ethos of science genesis and its transformation in the context of modern realities. There is a brief description of the classical norms of the scientific ethos (universalism, communalism, disinterestedness and organized skepticism), formulated by R. Merton in the late 1930s and early 1940s, in response to the sharp exacerbation of the problem of science's autonomy in the conditions of totalitarian regimes. The key idea of Merton is especially emphasized: compliance with the norms is aimed primarily at optimizing the process of scientific production and, thereby, the most effective solution to the main goal of science – the increasing of certified knowledge volume. The concept of the ethical imperatives of a scientific profession was almost immediately criticized for being 'idealistic' and 'disconnected from real life', and by the end of the 1960s it intensified many times over. You can find the examples of critical attitude to the concept of Merton, also we described the alternative versions of the norms of scientific ethos (in the interpretation of Mitroff and Fuller). It has been established that under the conditions of academic capitalism, which implies the incorporation of market culture into the system of scientific research, a negative deformation of classical norms occurs, in practice creating barriers to the production of knowledge and disrupting the practice of communication within the scientific community. The result of this deformation is the system of relationships between scientists, described by Ziman in the framework of the concept of 'post-academic science'. Evidence is presented that the process of degradation of norms is further intensified in the conditions of cognitive capitalism and neoliberal science. Using the example of modern Russian science, the author shows that the result of such degradation is, for example, the exacerbation of the problem of plagiarism. Methods of counteracting such practice are briefly described using the example of modern Russian science, such as the creation of a Dissernet community or a special commission to counteract falsification of scientific research within the framework of the Russian Academy of Sciences. In a theoretical sense, in the context of the philosophy and sociology of science, the concept of 'two ethics' proposed by B. Pruzhinin, looks productive. B. Pruzhinin singles out the specific ethos of fundamental and applied science.

Keywords: science, scientific ethos, norms of science, Merton, market, deformations.

Bibliographic description for citation:

Ablazhey A. Ethic of Science: Classic Norms and Modern Deformations. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 103–115. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-103-115.

References

1. Ablazhey A. Transformatsii instituta nauki v sovremennykh usloviyakh: analiz issledovatel'skikh podkhodov [Transformations of science in the modern conditions: analysis of the research approaches]. *Idei i Idealy = Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 1, pp. 44–62.

2. Abramov R.N. *Akademicheskii kapitalizm* [Academic capitalism]. Available at: <https://web.archive.org/web/20041212172436/http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/78711.html> (accessed 21.08.2021).

3. Agazzy E. Pochemu u nauki est' i eticheskie izmereniya? [Why has science also moral dimensions?]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2009, no. 10, pp. 93–104. (In Russian).

4. *Kandidaty v chleny-korrespondenty i akademiki RAN: doklad* [Candidates for Corresponding Members and Academicians of the RAS. Report]. RAS Commission on Counteracting the Falsification of Scientific Research. 2nd ed. Moscow, 2019. Available at: <https://kpfran.ru/wp-content/uploads/2019/09/doklad-ran-kpfni.pdf> (accessed 21.08.2021).

5. Corsani A. Kapitalizm, biotekhnonauka i neoliberalizm. Informatsiya k razmyshleniyu ob otnosheniyakh mezhdou kapitalom, znaniem i zhizn'yu v kognitivnom kapitalizme [Capitalism, Biotechnoscience and Neoliberalism. Information for thought on the relationship between capital, knowledge and life in cognitive capitalism]. *Logos*, 2007, no. 4, pp. 123–143. (In Russian).

6. Merton R. Nauka i sotsial'nyi poryadok [Science and the Social Order]. *Voprosy sotsial'noi teorii = Issues of Social Theory*, 2007, vol. 1, iss. 1, pp. 191–207. (In Russian).

7. Merton R. Nauka i demokraticeskaya sotsial'naya struktura [Science and the democratic social structure]. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, 2006, pp. 267–281. (In Russian).

8. Merton R. Effekt Matfeya v nauke, II: nakoplenie preimushchestv i simvolizm intellektual'noi sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property]. *Tezis*, 1993, no. 3, pp. 256–276. (In Russian).

9. Pruzhinin B.A. Dva etosa sovremennoi nauki: problemy vzaimodeistviya [Two ethos of modern science: problems of interaction]. *Etos nauki* [Ethos of Science]. Moscow, 2008, pp. 108–121.

10. Tsvyk V.A., Savvina O.V. Etika nauki i etika nauchnykh publikatsii [Ethics of science and ethics of scientific publications]. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*, 2017, no. 3, pp. 8–22. DOI: 10.25136/2409-8744.2017.3.19609. Available at: https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=1960 (accessed 21.08.2021).

11. Fuller S. *Science. Concepts in Social Sciences*. Open University Press, 1997.

12. Mitroff I. Norms and counter-norms in a select group of the Apollo Moon scientists: a case study of the ambivalence of scientists. *American Sociological Review*, 1974, vol. 39, no. 4, pp. 579–595.

13. Kim S.Y., Kim Y. The ethos of science and its correlates: an empirical analysis of scientists' endorsement of Mertonian norms. *Science, Technology and Society*, 2018, vol. 23 (1), pp. 1–24.

14. Ziman J. *Real science: what it is, and what it means*. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 2000.

The article was received on 14.06.2021.

The article was reviewed on 30.06.2021.